

Цикл
Александра Михайловского,
Александра Харникова
АНГЕЛЫ В ПОГОНАХ

Путь в Царьград
Афинский синдром
Встречный марш
Бремя русских
Затишье перед бурей
Освобождение Ирландии

Однажды в Октябре
Время собирать камни
Вся власть Советам!
Непобедимая
и легендарная
Призрак Великой Смуты

Рандеву с «Варягом»
Петербургский рубеж
Мир царя Михаила
Иным путем
Вихри враждебные

Крымский излом
Прорыв на Донбасс
Ветер с востока
Брянский капкан
Коренной перелом

Александр Михайловский
Александр Харников

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИРЛАНДИИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 176

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Михайловский, Александр Борисович;
Харников, Александр Петрович**

М69 Путь в Царьград: Освобождение Ирландии: роман / Александр Михайловский, Александр Харников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-121483-8

Югороссия и Россия — вот два государства в Европе, которые стали самыми могущественными и влиятельными силами, определяющими мировую политику. Югороссия, невесть откуда появившаяся в 1877 году, обрушила Османскую империю и на ее обломках построила державу, удивительную и таинственную. Ведь югороссы — это люди из XXI века, попавшие в XIX век вместе с российской эскадрой, направленной к берегам Сирии.

После Османской империи наступила очередь Британии, которая сделала все, чтобы не дать Югороссии и Российской империи воспользоваться плодами победы в русско-турецкой войне 1877 года.

Но две России — новая и старая — не намерены прощать обиды. Экспедиционный корпус русских войск под командованием генерала Скобелева отправился к берегам Персидского залива, а Югороссия подготовила восстание в Ирландии. Победенные же в Гражданской войне конфедераты собираются взять реванш за поражение. Весь мир замер в ожидании событий, которые изменят течение истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121483-8

© Александр Михайловский, 2020
© Александр Харников, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Авторы благодарят за помощь и поддержку *Макса Д* (он же *Road Warrior*) и *Олега Васильевича Ильина*.

Пролог

Железной метлой Югороссия вымела британцев из Средиземного моря. Ею захвачены Мальта и Гибралтар. Войска «Белого генерала» Скобелева движутся на юг, готовясь обрушить колониальную державу, созданную британцами огнем и кровью, обманом и подлостью. Наступает время, когда население Ирландии наконец избавится от многовекового гнета своих жестоких и алчных соседей.

Югороссы и подданные императора Александра III оказывают помощь всем, кто восстанет против британцев. Ведь в Библии написано: «Мне отмщение, и аз воздам». Мсть за насилия, убийства и грабежи обрушится на головы тех, кто считал себя хозяевами мира.

Об этом не забывают и бывшие солдаты армии конфедератов, потерпевшие поражение в Гражданской войне, но не смирившиеся с участью побежденных. При поддержке югороссов они готовы снова сразиться с янки, чтобы освободить свою родину от «саквоаяжников».

Россия копит силы, ибо, к сожалению, единственное, с чем считаются в этом жестоком мире — это сила. Ведь еще нет ни Лиги Наций, ни ООН, и все противоречия между государствами решает исключительно сила оружия. Закон джунглей царит также и в политике, и в экономике. И чтобы выжить в этом мире, надо всегда иметь под рукой оружие. И верных союзников. И то и другое у Российской империи имеется...

Часть I

ГОЛОС СВОБОДЫ

*18 (6) февраля 1878 года.
Латеранский дворец, кабинет Пия IX,
епископа Рима, викария Христа,
преемника князя апостолов, верховного
первосвященника Вселенской церкви, Великого
понтифика, архиепископа и митрополита
Римской провинции, раба рабов Божьих*

Пий закашлялся. Эх, не уходила болезнь, не уходила. Еще день, два, если повезет — неделя или даже две, и болезнь, мучившая его уже десять лет, прекратит его земное существование и отправит на небеса, к Его Небесному отцу. В этом Пий был уверен не меньше, чем в том, что солнце встает на востоке и садится на западе.

Но вот почему Отец Небесный не призвал его в январе, когда, казалось, каждый вздох мог стать его последним? Только лишь для того, чтобы сделать последнее, что ему было предначертано в этой жизни — не допустить распространения православной заразы, укоренившейся не только на еретических русских территориях, но даже в католических Литве и Польше, находящихся под властью безбожных русских. Ведь Ирландия была областью, которая осталась католической, несмотря на триста лет гонений со стороны последователей безбожного Генриха VIII. Он горько рассмеялся — того самого Генриха, который до того получил от папы Льва X титул *Fidei Defensor* — «Защитник Веры»...

Именно наследникам этого короля-предателя и должна была помочь в Ирландии булла папы Пия IX. А вступятся ли потом за него англичане, как обещали, папа не знал, но догадывался, что англичанам сейчас, в общем-то, не до него. Но еще хуже было хоть в чем-то уступить москвитам — схизматикам-ортодоксам.

Как рассказали его верные польские духовные чада, в Сибири, в каких-то Тунке и Иркуте триста польских священников со дня на день ожидают лютой казни. Конечно, по словам поляков, ожидают они казни уже не менее десяти лет, и вроде их до сих пор не казнили. Но это уже не так важно. Все равно эти схизматики даже хуже турок.

Положение с делами на Востоке было и без того совершенно нетерпимым для католической церкви. Но чуть больше полугода назад, совсем рядом, в Черноморских проливах возникла совершенно новая, страшная угроза для Святейшего престола. Православный крест над собором Святой Софии папа Пий воспринял как личное оскорбление, а возникновение Югороссии, как воскрешение из небытия павшей под ударами турок Византийской империи, бывшей самым древним врагом католицизма. Сокрушив Оттоманскую Порту, пришельцы из бездны тут же создали государство православных русских, греков и болгар, распространив свое влияние не только на Балканы и Анатолию, но даже на такие исконно католические территории, как Ирландия и Куба.

Мало было папе одних русских, чья империя расположилась на пятой части суши, так вдобавок к ним объявились и еще одни — сильные, дерзкие, не признающие никаких авторитетов, вооруженные ужасным оружием, и к тому же обеспеченные, как они сами говорят, покровительством Господа нашего Иисуса Христа. О том, что будет, если верно последнее утверждение, папе даже

не хотелось думать. Тогда Римская католическая церковь должна будет пасть, как до нее пали утратившие Божье благословение учения Ария, павликиан, монофизитов и манихеев. Нет, с этим надо было что-то делать! Сдаваться без боя папа Пий не собирался.

Кроме понтифика, в кабинете присутствовал лишь кардинал Джованни Симеони, сидевший за потемневшим от времени письменным столом, согласно преданиям привезенным папой Григорием IX вместе со старым и весьма неудобным стулом из Авиньона в Рим в 1377 году. На этом древнем стуле, как и множество его предшественников, и восседал в данный момент верный секретарь папы Пия IX. Сейчас он с тревогой смотрел на папу — тот редко смеялся вслух, тем более без видимой причины, а смех его, похожий на карканье, мог быть и предвестником предсмертной агонии.

«Да, — подумал Пий, — Джованни есть что терять. Папой его не выберут, он слишком молод, а у нового понтифика, скорее всего, будут свои любимчики».

— Джованни, — сказал папа, улыбнувшись уголками губ, — не бойтесь, я пока еще не сошел с ума. Давайте начнем работу над энцикликом.

— Ваше святейшество, — склонил голову секретарь, — не утруждайте себя, я и сам могу написать эту буллу.

— Нет, мой друг, — покачал головой папа, — это, вероятно, будет моя последняя булла. Поэтому давайте я продиктую вам основные ее положения, а вы сделаете из них полновесную буллу и добавите подробности, какие вы сочтете нужным.

— Но, ваше святейшество, — возразил секретарь, — вам необходимо срочно показаться врачу...

— Дорогой мой Джованни, — грустно усмехнулся папа, — врачи — это люди, которые не пускают меня

к моему Небесному Отцу, и к тому же они делают это весьма неумело. Давайте обойдемся без них. Так что приступим к делу. Начнем мы так: «Ради вящей славы Божией» — «Ad majorem gloriam divinam».

— Я готов, ваше святейшество, — кардинал Симеони взял в руки перо и начал писать.

— Итак, первый пункт, — задумчиво пожевав губами, произнес папа. — Некий русский схизматик по имени Виктор объявил себя Виктором Брюсом, потомком короля Эдуарда Брюса. Нет никаких доказательств, что он действительно является таковым. Действительно, откуда в этой еретической России могли появиться потомки благоверного короля? А он именно оттуда. Следовательно, он самозванец, поддерживаемый этими исчадьями ада, от рук которых погибли тысячи невинных католиков.

Пий подумал мельком, что, конечно, не такие уж польские повстанцы были и невинные — иезуиты, чьей тайной сети в русских Привислянских губерниях могла позавидовать любая разведка, негласно докладывали, что русские вели себя менее жестоко, нежели сами польские мятежники. И живописуемое поляками массовое убийство польских священников в Сибири — не более чем выдумки польских пропагандистов. Но тем не менее православные — самые старые и непримиримые враги Святого престола. Они уже восемьсот лет не признают над собой главенства и непогрешимость римских наместников святого Петра.

— Второе, — откашлявшись, продолжил диктовать папа Пий, — сей Виктор — православный схизматик, следовательно, он враг нашей святой матери Католической Церкви. Джованни, обоснуйте это как следует. Вспомните отлучение их лжепатриарха Церулария...

— Его отлучил даже не папа, а всего лишь глава нашей делегации в Константинополе, — усмехнулся Джованни.

— На что он не имел никакого права, — добавил Пий. — Но кто, кроме нас с вами и пары церковных историков, знаком с подобными мелочами?

— Хорошо, ваше святейшество, — согласился кардинал Симеони, — я найду все необходимые обоснования.

— Третье, — продолжил папа. — Некоторые чада нашей святой Католической Церкви признали сего Виктора законным королем Ирландии.

— Я все понял, ваше святейшество, — кивнул секретарь.

— Четвертое. Любой сын Католической Церкви да не признает сего самозванца королем, под страхом немедленного анафематствования.

Скрип пера на бумаге на мгновение прервался. Симеони робко возразил:

— Ваше святейшество, но наши английские «друзья» — еще худшие еретики. Ведь православные верят почти в те же самые догматы, что и мы.

— Пятое, — с нажимом сказал папа, словно не слыша, что сказал ему кардинал Симеони, — Спаситель сказал, что кесарево кесареви, а Богово Богови. В Ирландии кесарь — королева Виктория. И добрые католики обязаны чтить королеву и ее наместника, а также тех, кто исполняет ее волю. В том числе и ее солдат.

Симеони с удивлением посмотрел на понтифика.

— Ваше святейшество, но именно ее солдаты убивали, калечили и насиловали добрых католиков в Корке на Рождество. И в Ирландии это знают все. Или почти все.

— Конечно, Джованни, — папа Пий отмахнулся от настырного кардинала, словно от назойливой мухи, — и вы это знаете, и я это знаю, и население Корка, пола-

гаю, это тоже знает. Именно потому нам необходимо подавить мятеж и воцарение сего, с вашего позволения, короля в самом зародыше. Тогда подобные эксцессы не будут повторяться. Кардинал, я прилягу на часок. Разбудите меня, как только булла будет готова, и я должен буду ее подписать.

18 (6) февраля 1878 года.

Куба, Гуантанамо.

Сэмюэл Лангхорн Клеменс,

главный редактор «Южного креста»

— Джентльмены, а вот и наш первый номер! — выкрикнули Чарльз и Артур Александер, вбежав в домик нашей редакции с небольшой пачкой газет. Первый экземпляр Артур протянул мне. Я впился в него глазами. Так-так... Слева — наше «незапятнанное знамя», с косым крестом и звездами на нем. В середине — «SOUTHERN CROSS», большими буквами, а под ним — «Est'd 1878» — «создан в 1878 году», и придуманный мной лозунг: «The rumors of Confederacy's demise have been greatly exaggerated» — «Слухи о кончине Конфедерации оказались сильно преувеличены».

А вот справа — изображение одного из самых ярких созвездий на южном небе — Стух — «Южного креста».

Проводив Оливию и дочек, я переехал в небольшой домик рядом с редакцией, в самом центре югоросского «яхт-клуба». А вечером Игорь и Надежда пригласили меня к себе посидеть, поговорить о жизни, как это принято у русских. И вот, после великолепного ужина и бутылочки превосходного португальского вина, привезенного «Колхидой» в последнем рейсе, Надежда пошла спать, а мы с Игорем остались сидеть за бутылочкой русской водки. Мне очень не хотелось уходить домой,

а Игорь меня не гнал, наверное, сообразив, что мне очень не хотелось возвращаться в свое холостяцкое обиталище. И вдруг он неожиданно посмотрел на часы — уже было за полночь.

— Сэм, — сказал он, — пойдем, я тебе кое-что хочу показать.

Мы вышли на террасу дома, ту самую, где я когда-то нашел свою Ливи в компании с Надеждой, и Игорь указал рукой куда-то в направлении горизонта. Я присмотрелся и увидел там четыре звезды в форме то ли креста, то ли воздушного змея, и еще одну поменьше — между правой и нижней вершинами.

— Что это? — спросил я.

— Южный крест, — ответил Игорь, — думаю, это будет хорошим названием для твоей новой газеты.

Идея оказалась удачной. Несколько дней подряд редколлегия спорила о логотипе газеты. Но когда я предложил с одной стороны косой крест нашего знамени, а с другой — величественное созвездие Южного полушария — обратите внимание — ЮЖНОГО! — Чарльз Александер, один из сыновей моего заместителя, Питера Веллингтона Александера, сел за стол и полчаса сосредоточенно работал, после чего теперешний логотип был утвержден единогласно.

А вообще это было, наверное, единственное серьезное разногласие с момента моего приезда. На второй день после прибытия в «яхт-клуб» Игорь отвез меня в домик, приготовленный для редакции «Южного креста». В нем я нашел с полдюжины молодых ребят, из которых мне был знаком лишь Генри Уоттерсон, и два человека постарше меня. Когда же мне представили моих новых сотрудников, то я оторопел. Двое из них, те, которым было за пятьдесят, оказались светилами журналистики Конфедерации — Питер Александер и Феликс Грегори

де Фонтейн. А остальные — такие, как вышеупомянутый Генри Уоттерсон, а также Френсис Уоррингтон Доусон, Генри Грейди, Роберт Олстон — считались лучшими молодыми журналистами нынешнего Юга.

Я, конечно, сразу же попытался уговорить Александра — во время войны лучшего редактора Юга, да и, вероятно, всех штатов, южных или северных — заменить меня на моем посту. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— Сэм, — твердо произнес он, — я согласился приехать на Кубу только тогда, когда узнал, что именно вы будете нашим главным редактором. Нам нужен человек помоложе, и с таким, как у вас, чувством юмора.

— А когда это было, Питер? — поинтересовался я.

— Перед самым Новым годом, Сэм, — ответил Питер Александер.

Я оторопел. Тогда я еще и не собирался принять предложение моего друга Алекса Тамбовцева. Похоже, что югороссы знали меня лучше, чем я сам... Или же, действительно, все дороги ведут в Рим, и рано или поздно я должен был оказаться здесь, на Кубе.

А Феликс Грегори де Фонтейн редактором быть не хотел — он был прирожденным репортером, да еще каким! Как ни странно, но он был родом с Севера, из Бостона. И когда Линкольн отказался выводить гарнизон из форта Самтер в Чарльстоне, Феликс поехал туда осветить это событие. И практически сразу же переметнулся на сторону Конфедерации. Его очерки — часто с поля боя или из порядков Армии Конфедерации — стали эталоном военной журналистики даже для северян.

На мой вопрос, кем он себя видит, он только пожал плечами.

— Сэм, — немного помедлив, ответил он, — десять лет назад я бы попросился на войну. А сейчас, увы, я для ар-

мии буду только обузой — ноги болят, спина болит, годы уже не те. Но все равно, пошлите меня куда-нибудь...

А молодым было все равно, лишь бы им было поинтереснее. И я предложил такую структуру — Питер, Артур и Чарльз останутся в Гуантанамо. Я отправлюсь на Корву и возьму с собой Уоттерсона, Грейди и Доусона. А Феликс с Робертом и парой молодых ребят поедут в Константинополь. Согласились все, кроме Чарльза. Тот грустно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

А когда я уже собирался отправиться домой, услышал от него:

— Мистер Клеменс, возьмите меня с собой!

Я остановился, обернулся, и Чарльз затараторил со скоростью митральезы:

— Мистер Клеменс, русские дали мне фотокамеру и научили фотографировать, — сказав это, он показал мне небольшую коробочку. — Мистер Клеменс, возьмите меня с собой на войну!

— А где твоя камера, пластины, как ты будешь все это проявлять? — с недоверием спросил я.

— Пластины для этой камеры совсем не нужны, мистер Клеменс, — быстро ответил Чарльз. — Вот, смотрите!

И он навел ее на мое лицо, нажал на какую-то кнопку, после чего перевернул коробочку. Я обомлел. На задней стенке был изображен ваш покорный слуга — к тому же фото было цветным! Причем четкость снимка была такой, какую невозможно было себе представить на наших обычных камерах.

— А теперь я ее могу напечатать, — гордо сказал Чарльз, — и у вас через несколько минут будет фотокарточка.

— Нет уж, нет уж, такой фотокарточкой только детей пугать... — пробормотал я, — Ну ладно, завтра я поговорю с твоим отцом.

Питер долго сопротивлялся, но в конце концов сдался.

— Другие родители посылают детей в пекло битвы, — сказал он, — а мой пойдет на войну всего лишь журналом... Только не рискуй его жизнью без надобности, хорошо, Сэм?

— Хорошо, Питер, обещаю, — ответил я. — А пока пойдем, распределим работу для первого нашего номера. Его нам нужно делать особенно тщательно.

У меня уже были готовы статьи: «Кровавое Рождество» и «Одиссея молодого южанина» — о приключениях Джимми Стюарта. Вместе они занимали четыре полосы из шестнадцати. Де Фонтейн попросился взять интервью у Нейтана Бедфорда Форреста — да, этот человек, которого северная пресса изображала как исчадие ада, тоже был здесь. Именно он поведет Добровольческий корпус в бой против англичан. Александер — у Джефферсона Дэвиса; кроме того, он будет вести репортажи о заседаниях воссозданного правительства Конфедерации — в этом ему нет равных. Молодежь разобрала других членов правительства, а также Игоря Кукушкина. Я решил, что будет лучше, если про него напишу не я — все-таки так уж вышло, что мы с ним очень быстро стали близкими друзьями. А себе на десерт я оставил Джуду Бенджамина.

Тем же вечером я постучался в двери небольшого домика, такого же, как тот, в котором поселили меня. Идя к Джуде Бенджамину, я ожидал увидеть сгорбленного, седобородого старичка-еврея с неизбывной мировой грустью в темных глазах... Но, когда дверь открылась, я увидел человека, которому я бы дал от силы лет пятьдесят — на самом же деле мистеру Бенджамину было уже шестьдесят шесть.

— Марк Твен, разрази меня гром! — воскликнул мистер Бенджамин, увидев меня. — Слышал, слышал, что